

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-206-215

EDN: LGMFQB

Научная статья

Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды

С.А. Максимов *Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН,**Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4*✉ makseran02@yandex.ru

Аннотация. Бесермяне — малочисленный народ, расселенный в северной Удмуртии. Необычное сочетание тюркско-мусульманского самоназвания с финно-угорским наречием всегда вызывало неподдельный интерес к этому народу. Однако ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу происхождения бесермян. Цель исследования — выявить и систематизировать тюркские названия деталей традиционной бесермянской одежды, что позволит глубже изучить бесермянско-тюркские взаимосвязи и получить новые данные для разрешения этногенеза народа. В связи с этим настоящая работа представляется актуальной. Актуальность ее обуславливается также возможностью практического использования данных в культурно-просветительной, музейной работе, на курсах по краеведению. Материалом исследования послужили данные картотеки Т.И. Тепляшиной с полевыми записями бесермянской речи. Исследование проводилось преимущественно на основе описательного метода. Гипотеза о включении в состав бесермян тюркского компонента в результате межэтнических браков в целом нами подтверждена. В этногенезе бесермян достаточно отчетливо прослеживается участие чувашского компонента, который позднее сменяется татарским суперстратом. Булгаризмов среди исследованной терминологии не выявлено, однако они могли замениться соответствующими чувашскими формами в результате более позднего взаимодействия между этносами.

Ключевые слова: бесермяне, традиционная одежда, названия деталей одежды, тюркские заимствования, этногенез

История статьи: поступила в редакцию: 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Максимов С.А. Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 206–215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-206-215>

© Максимов С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Beserman-Turkic Relationships: Based on the Names of Clothing Details

Sergey A. Maksimov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Lomonosov st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
✉ makseran02@yandex.ru

Abstract. The Besermans are a small people settled in northern Udmurtia. The unusual combination of the Turkic-Muslim self-designation with the Finno-Ugric language always caused genuine interest in this people. However, scientists still have not reached a consensus regarding the origin of the Besermans. The purpose of this work is to identify and systematize the Turkic names of the details of traditional Beserman clothing, which allows us to study more deeply the Beserman-Turkic relationships, and to obtain new data to unravel the ethnic genesis of the Besermans. In this regard, this work is relevant. The relevance of our work is also due to the possibility of using data in cultural, educational, museum work and in local history courses. The main sources of study are materials of T.I. Teplyashina card catalogue with field records of the Beserman speech. The study was conducted predominantly using a descriptive method. In general, our research confirms the hypothesis about including of the Turkic component in the Beserman ethnos as a result of interethnic marriages. The Chuvash component, which was later replaced by the Tatar superstratum, is quite clearly traced in the ethnogenesis of the Besermans. We have not identified lexical bulgarisms among the studied terminology however they could be replaced by analogous Chuvash word forms as a result of later interaction between ethnic groups.

Key words: Besermans, traditional clothing, names of clothing details, Turkic borrowings, ethnogenesis

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Maximov, S.A. 2023. “Beserman-Turkic Relationships: Based on the Names of Clothing Details”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 206–215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-206-215>

Введение

Бесермяне — малочисленный народ, расселенный в северной Удмуртии: в нескольких сельских районах и городе Глазове. Этот народ издавна привлекал внимание исследователей, что связано с особенностями этнической группы. С одной стороны, самоназвание *бесерман* ассоциируется со словами *басурман* ~ *бусурман* ~ *мусульман(ин)*, что

может указывать на возможную связь с тюркско-мусульманским миром, хотя и верующие бесермяне ныне относят себя к христианам. С другой стороны, этот народ говорит на одном из наречий удмуртского языка, который, как известно, относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу происхождения бесермян. В этом вопросе в целом преобладают две точки зрения. Первая из них предполагает, что бесермяне — это первоначально тюркский народ (булгары, чуваша, татары), воспринявший удмуртский язык. Вторая точка зрения исходит из того, что бесермяне — это удмурты, подвергшиеся сильному тюркскому влиянию [1. С. 6–22; 2. С. 3–13; 3. С. 185–187; 4. С. 87–88; 5. С. 53].

Цель настоящей работы — выявление и систематизация тюркских названий деталей традиционной бесермянской одежды. Описанию удмуртской народной одежды посвящено достаточное число научных работ. Одно из ранних детальных исследований в данном направлении — монография известного этнографа В.Н. Белицер «Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу» [6]. Наряду с описанием костюмных комплексов разных локальных групп удмуртов в книге значительное место отведено традиционной бесермянской одежде, которая становится объектом рассмотрения также в более поздних исследованиях [7; 3; 8]. Однако во всех имеющихся работах, посвященных народному удмуртскому костюму, в первую очередь проводится этнографическое описание самих элементов одежды, а исследованию их наименований придается вторичное значение. В связи с этим данная работа представляется актуальной. Актуальность ее обуславливается также возможностью использования результатов исследования в практической деятельности: в культурно-просветительной и музейной работе, а также на курсах по краеведению.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили полевые записи бесермянской речи, хранящиеся в виде картотеки в научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН¹. Кроме этого, были использованы работы авторов, в которых описана традиционная удмуртская и бесермянская одежда.

Основным методом исследования послужил описательный метод. В работе широко применялся ареальный аспект — фиксация названия деталей одежды производилась не только в бесермянском, но по возможности также среди различных этнотерриториальных групп удмуртов. Был использован также (частный) метод этимологического анализа.

¹ Картотека составлена Т.И. Тепляшиной.

Обсуждение

В статье рассматриваются термины, связанные с названиями деталей традиционного костюма бесермян. Помимо собственно элементов одежды в список включены названия украшений, а также понятия, связанные с изготовлением и отделкой. Анализируемые термины даны полужирным шрифтом, в скобках уточняется чтение с помощью финно-угорской транскрипции. После перевода приводятся материалы из монографии Т.И. Тепляшиной [1], далее — рукописные материалы ее картотеки, за которыми стоит аббревиатура (ПМТ) — полевые материалы Тепляшиной. Графическая система записей сохранена. В целом их прочтение не представляет особой трудности, однако следует отметить, что буквой *ө* обозначена неогубленная гласная фонема заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема, акустически близкая к чув. *ǎ*, тат. *ы*. Надстрочный знак (*°*) представляет собой ее редуцированный вариант. Далее приводятся лексикографические материалы разных диалектов и имеющиеся этимологии слова. После этого при необходимости нами даются краткие комментарии, а также предлагается собственная этимология для тех терминов, у которых она отсутствует или выглядит сомнительной.

1. **бетлөк** (*betlâk*) ‘бетлык (завязка для закрепления женского головного убора кашу)’: *betlöküz gurulaz d'is'alo kaşpuzе voz'°nө*. ‘Бетлыком под подбородком завязывают кашпу’ (ПМТ); < чув. *нитлөк*, тат. *битлек* ‘сетка (в пчеловодстве)’, ‘маска’ < *нит* / *бит* ‘лицо’ + суфф. *-лек* / *-лөк* < ‘то, что предназначено для лица’. Как элемент костюмного комплекса и его название, скорее всего, первоначально заимствовано у чувашей. Впоследствии звуковой облик мог испытать татарское влияние.

2. **задап** (*zadap*) ‘мелкая пуговица, пуговка’: *zadap* ‘тж.’ [1. С. 65]; *zadap vuro gad' šobret vөle*. ‘Мелкие пуговицы пришивают на планку, пришиваемую для закрытия разреза груди’ (ПМТ); < тат., ср. тат. *сэдәп*, диал. *задап* ‘перламутр, пуговица (из перламутра)’, *сэдәф* ‘перламутр’ < араб. [9. I. С. 151].

3. **зйяк** (*zıjak*) ‘зьяк (узор в три нитки; поперечные тесемки для украшения)’: *зьяк* (бес.) — название шва в вышивке, состоящего из трех ниток [6. С. 121, 137]; *ziak hue sezөjaz, gad'az, sajөsaz*. ‘Поперечная из ситца полоска пришивается на подоле, на груди и на рукавах’ (ПМТ); < тат. *зийәк* ‘тесьма, нашиваемая на женскую одежду’ [10. С. 138].

4. **зөбөн** (*zöbөн*) ‘зыбын (верхняя женская одежда из домотканого сукна или шерсти), зипун’: *zөbөн* ‘зыбын’ [1. С. 181]; *zөbөн merc'an d'erälis' vuro*. ‘Зипун шьют из холста расчесанного волокна’ (ПМТ); удм.: южн. бес. *зыбын* — женская летняя шерстяная одежда [6. С. 50, 103, 137]; удм.: южн. < булг.: чув. *сәпән* ‘женский суконный кафтан, поддевка’ [11. С. 58]; < тат. *зыбын*, чув. *саппун* ~ *сәпән* < рус. *зипун* < араб. *жүббун* [9. I. С. 290]. Полагаем, что южноудмуртское, а также современное бесермянское слово следует отнести к татарским заимствованиям. Однако описываемая реалья, как и некоторые

другие элементы традиционного бесермянского костюма, первоначально могла быть воспринята от чувашей.

5. **изма** (*izma*) ‘изма (*рельефные полосы, нашитые поперек к грудному разрезу рубахи*): *изма* ‘название шва в виде плетеного шнура’ [1. С. 46]; бес. *изма* < тат. *измә* < *изу* ‘шить, делая зигзагообразные строчки’, *ызма* ‘зигзаг в узорах; прошивка с зигзагообразным узором’ [3. С. 189; 9. I. С. 295].

6. **кабачи** (*kabač'i*) ‘женский вышитый нагрудник’: *kabač'i* ‘нагрудник (часть женского костюма)’ [1. С. 100]; бес. *кабачө* ‘нагрудник (фартука)’ [12. С. 171]; бес. *кабачө* ~ *кабачөк* ‘тж.’ [13. С. 120]; сев. *kabawt'si* ~ *кабачи* ‘нагрудник пожилых женщин’ [14. С. 86; 6. С. 45–47]. Финский лингвист Ю. Вихманн относил к татарским заимствованиям [14. С. 86]. Однако подобного слова в татарском нами не найдено. Вероятно, первоначально слово заимствовано из языка чувашей в форме **кобөчө* < чув. **хонăчă* ~ *хонăлчă* ‘крышка, покрывка’. Впоследствии гласный первого слога видоизменился под влиянием татарских слов *капу* (*қабу*) ‘закрывать, прикрывать’, *капкач* ‘крышка, покрывка’.

7. **калап** (*kalap*) ‘моток (*пряжи*): *kalap* ‘тж.’ [1. С. 65, 99]; *šorkod so kalap ž'okton*. **šorkod* — это то, куда наматывают пряжу’ (ПМТ); бес. *калап* ‘моток шерсти’ [12. С. 172] < тат. *кәләп* ‘моток пряжи’ [9. I. С. 392, 413].

8. **камали** (*kamal'i*) ‘камали (*вид перевязи*): *kamal'i* ‘нагрудник [из серебряных монет]’ [1. С. 253]; бес. *камальө* ‘перевязь (*расшитая монетами лента, которую женщины носили через плечо как украшение*)’ [12. С. 174; 13. С. 120]; пюж. *камали* ‘тж.’ [15. С. 85]; сев. *камали* ‘перевязь’ [6. С. 77, 138]. По мнению доктора филологических наук М.Г. Атаманова (личное сообщение), данное слово может восходить к осетинскому *камари*. Однако в осетинском языке названное слово заимствовано из грузинского, в котором является персидским проникновением: осет. *katari* ‘женский пояс’ < груз. *katari* ‘пояс’ < перс. *katâr* ‘тж.’ [16. С. 570]. Более вероятным представляется заимствование из татарского языка, в который рассматриваемое слово также проникло из других языков: *кэмэр* ‘украшенный пояс (военного чина, жениха, невесты)’ < тур. < перс. *камар* ~ *кэмэр* ‘пояс’ [9. I. С. 395]. Звукопереход *p* > *л*, а также возникновение конечной гласной можно объяснить влиянием языка чувашей, с которыми у бесермян и завятских удмуртов в определенный период времени существовали тесные контакты: ср. чув. *кёмёллэ* ‘имеющий серебро’. Гипотеза об изначальном заимствовании из болгарского или чувашского языка несостоятельна из-за вокализма тюркских соответствий, ср. тат. *көмеш* ‘серебро’ < **kütülč* [17. I. С. 273; 9. I. С. 449]. Булгарская праформа **kütül* в удмуртском не могла отразиться в облике *камал(и)*.

9. **касита** (*kašita*) ‘касита (*вид перевязи*): *kas'ita* ‘вид украшения’ (ПМТ); ср.: тат. *хәситә*, диал. *каситә* ~ *касида* ‘амулет в форме четырехугольного или треугольного карманчика, пришиваемого к широкой тесьме’, диал. ‘монисто’. В татарском языке восходит к арабскому источнику [9. II. С. 388].

10. **качөк** (*kaśǎk*) ‘качык (вид ожерелья)’: *качек* ‘ожерелье из монет и раковин’ [6. С. 75, 138]; *качөк* ‘монисто’ [12. С. 180; 13. С. 120]. Происхождение названия украшения не совсем ясно. Отдаленно оно сближается с татарским словом *күнчек* ‘прорезь рубахи, обшивка прорези рубахи (на груди)’ [10. С. 284]. В бесермянском же следовало бы ожидать вариант *кенчөк* ~ *көнчөк* (*keñśǎk* ~ *kǎñśǎk*). Не исключено, что первоначальное название (? *күнчек*) испытало последующую эволюцию (замену) в связи с христианизацией народа, когда описываемое украшение стало выполнять роль ожерелья-гайтана, к которому прикреплялся нательный крест. Подобное украшение ранее широко бытовало у удмурток и называлось *кироскал* — шнур, предназначенный для креста (‘крест + шнур’. — С.М.) [6. С. 75]. В таком случае правомерно предположить происхождение слова от тат. **хачлык* ‘то, что предназначено для (ношения) креста’ < *хач* ‘крест’ + суфф. *-лык*. Сонорный согласный мог выпасть на бесермянской почве, ср.: бес. *чука* ‘чулок’ < *чулка*; бес. *мөчо* ‘баня’ < *мөнчо*.

11. **кашпу** (*kaşpu*) ‘кашпу (бесермянский женский головной убор, богато украшенный монетами и т. п.)’: *kaşpulen jörpödesez evel*. ‘У кашпу, бесермянского головного убора, макушки нет’ (ПМТ). Головной убор весьма похож на чув. *хушпу* ~ *хошпу*, особенно на *хошпу* верховых чувашей, что дает справедливый повод считать его чувашским заимствованием [17. I. С. 377]. Имеется также версия о татарском заимствовании, ср. тат. *кашбау* ‘налобная повязка; женский головной убор с налобными украшениями’ [9. I. С. 386], тат. диал. *кашпау* ‘холщевая шапочка, обшитая серебряными монетами’ [10. С. 235], но в этом случае в бесермянском название бы звучало как *кажбау* ~ *кашпау*. Полагаем, что усвоение реалии и слова могло произойти от чувашей как на нижней Вятке, так и на нижней Чепце (левом притоке Вятки) в форме **кошпу* (< чув. *хошпу*). Последующее татарское влияние привело к изменению гласного первого слога в *a* (*кошпу* + тат. *кашбау* > *кашпу*).

12. **көмась** (*kǎmas*) ‘кумач’: *kǎmas* ~ *kǎmaś* ‘тж.’ (ПМТ). Чувашский лингвист М.Р. Федотов удм. *кымач*, как и рус. *кумач*, относит к тюркским заимствованиям, ср. чув. *хямач* ~ *хямас* ‘кумач’, тат. *комач* ‘ткань красного цвета’. В тюркские языки эти заимствования пришли из арабского [17. II. С. 324; 9. I. С. 435]. В бесермянском наречии исследуемое слово имеет чувашский фонетический облик, и оно действительно может быть чувашским, а не болгарским заимствованием, как это принято говорить в исследованиях по удмуртскому языку о тюркских заимствованиях чувашского типа.

13. **ляга** (*l’aga*) ‘ляга (вид женского шейного украшения)’: *лага* ‘шейное украшение из бисера и монет’ [6. С. 75, 138]. По внешнему виду украшение весьма напоминает чувашское *суха*, однако его название (уточненное произношение — с палатальным согласным *л’*) представляет собой закономерную адаптацию в бесермянской речи татарского слова *йақа* ‘старинное женское украшение из монет, надеваемое на шею’ [10. С. 161]; < тат. *яка* ‘ворот’.

14. **такъя** (*takja*), **татья** (*tat'ja*) ‘такъя (девичий головной убор)’: *татья* ‘тж.’ [1. С. 41, 58]; *takjaen kerč'ok'enə* ‘надеть на голову такью’ (= ‘связаться такьей’. — С. М.). Удм. южн. *такйя* ~ *такт'а* ‘старинный женский головной убор с подвесками из монет’ считается татарским заимствованием [11. С. 120; 17. II. С. 259; 9. II. С. 203]. Судя по фонетическому облику слова, название бесермянского головного убора первоначально заимствовано, по-видимому, из чувашского (**токия* < *тохья*). Впоследствии под влиянием татарского *такья* его название приобрело форму *такйя*.

Заключение

Выше нами представлен список бесермянских терминов, связанных с элементами народной одежды. Перечислим их с краткими переводами: *бетлөк* ‘завязка головного убора кашпу’, *задап* ‘пуговка’, *зйяк* ‘узор в три нитки; тесьма’, *зөбөн* ‘зипун’, *изма* ‘поперечные полосы на грудном разрезе рубахи’, *кабачи* ‘вышитый нагрудник’, *калап* ‘моток пряжи’, *камали* ‘перевязь’, *касита* ‘перевязь’, *качөк* ‘монисто’, *кашпу* ‘головной убор замужних женщин’, *көмась* ‘кумач’, *ляга* ‘вид шейного украшения’, *такъя* ‘девичий головной убор’. Большинство этих слов (12 из 14, кроме *качөк* и *ляга*) можно найти в монографии Т.И. Тепляшиной или / и ее картотечном фонде. Такие слова, как: *бетлөк*, *задап*, *касита* — записаны ею впервые; также ею установлена принадлежность ранее зафиксированного слова *калап* именно к бесермянскому наречию.

Распределение (фиксация или реальное бытование) терминов — названий одежды по основным диалектным группам выглядит следующим образом: 1) только бесермянское наречие — *бетлөк*, *задап*, *зйяк*, *изма*, *калап*, *касита*, *качөк*, *кашпу*, *көмась*, *ляга* (10 слов); 2) бес. + южн. — *зөбөн*, *камали*, *такъя* (3 слова); 3) бес. + сев. — *кабачи* (1 слово).

Распределение по происхождению: 1) татарские заимствования — *задап*, *зйяк*, *зөбөн*, *изма*, *калап*, *касита*, *качөк*, *ляга*; тат. + чув.: *камали* (9 слов); 2) чувашские заимствования — *кашпу*, *көмась*; чув. + тат.: *бетлөк*, *кабачи*, *такъя* (5 слов).

Результаты исследования названий деталей бесермянского костюма позволяют сделать определенные выводы. Как видим, большая часть исследованной тюркской терминологии относится к элементам и аксессуарам традиционной женской одежды. В ходе детального рассмотрения терминов выявлено превалирование татарских заимствований над чувашскими, хотя налицо сходство форм традиционной женской (и девичьей) одежды бесермян с чувашским костюмом. Исследователь традиционной удмуртской одежды И.А. Косарева по вопросу этногенеза бесермян высказывает предположение о том, что в формировании этого народа участвовали и удмуртский, и болгаро-чувашский компоненты, при этом смешение происходило в результате женитьбы удмуртов на болгарках.

Наши исследования в целом подтверждают приведенную выше гипотезу. Однако следует сделать некоторые предварительные уточнения. В этногенезе бесермян достаточно отчетливо прослеживается участие чувашского компонента, который позднее сменяется татарским суперстратом, вследствие чего часть чувашских терминов испытывает фонетическую адаптацию в соответствии с татарскими аналогами. Булгаризмов среди исследованной терминологии не выявлено, однако можно выдвинуть предположение, что они были заменены соответствующими чувашскими формами в результате более позднего межэтнического взаимодействия.

Список сокращений

араб. — арабский язык;	рус. — русский язык;
бес. — бесермянское наречие;	сев. — северное наречие;
букв. — буквально;	суфф. — суффикс;
булг. — болгарский язык;	тат. — татарский язык;
груз. — грузинский язык;	тур. — турецкий язык;
диал. — диалект, диалектное;	удм. — удмуртский язык;
перс. — персидский язык;	чув. — чувашский язык;
пюж. — периферийно-южный диалект;	южн. — южное наречие.

Список литературы

1. *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
2. *Попова Е.В.* Бесермяне (краткий историографический обзор) // О бесермянах: сб. ст. Ижевск, 1997. С. 3–18.
3. *Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX — начале XX в.: монография. Ижевск, 2000.
4. *Кельмаков В.К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003.
5. *Идрисов Р.И.* Тюркские заимствования разных периодов в бесермянском диалекте удмуртского языка. М., 2013.
6. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: Материалы к этногенезу. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
7. *Лебедева С.Х., Атаманов М.Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Устинов, 1987. С. 112–150.
8. *Лебедева С.Х.* Удмурт калык дйськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt Folk Costume. Ижевск: Удмуртия, 2008.
9. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л); Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015.
10. Татар теленең диалектологик сүзлеге = Диалектологический словарь татарского языка / сост. Н.Б. Борганова, Л.Т. Махмудова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969.
11. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.
12. *Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Усачёва М.Н., Бирюк О.Л., Идрисов Р.И.* Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка. М.: ТЕЗАУРУС, 2013.

13. Усачёва М.Н., Архангельский Т.А., Бирюк О.Л., Иванов В.А., Идрисов Р.И. Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издательские решения, 2017.
14. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987.
15. Косарева И.А. Наборы украшений этнографических подразделений удмуртов: сравнительный анализ // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 83–87.
16. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I : А–К'. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1958.
17. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. I (А–Р); Т. II (С–Я). Чебоксары, 1996.

References

1. Teplyashina, T.I. 1970. The language of the besermen. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
2. Popova, E.V. 1997. "The Besermians (a brief historiographical review)". In About the Besermians: Digest of Articles. Izhevsk. Print. Pp. 3–18. (In Russ.).
3. Kosareva, I.A. 2000. Traditional women's clothing of the peripheral groups of the Udmurts (Kosinskaya, Sloboda, Kukmorskaya, Shoshma, Zakamskaya) in the late XIX — early XX centuries: Monograph. Izhevsk. Print. (In Russ.).
4. Kel'makov, V.K. 2003. Dialect and historical phonetics of the Udmurt language. Part 1. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet" publ. Print. (In Russ.).
5. Idrisov, R.I. 2013. urkic borrowings of different periods in the Besermian dialect of the Udmurt language. Moscow. (In Russ.).
6. Belitser, V.N. 1951. olk clothes of the Udmurts: Materials for ethnogenesis. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR publ. Print. (In Russ.).
7. Lebedeva, S.Kh., and Atamanov, M.G. 1987. Kostyumnye komplekсы udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom // Problemy etnogeneza udmurtov: Digest of Articles. Ustinov. Print. Pp. 112–150. (In Russ.).
8. Lebedeva, S.Kh. 2008. Costume complexes of the Udmurts in connection with their ethnogenesis. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Udmurt. In Russ. In Eng.)
9. Әкһмәт'янов, R.G. 2015. Tatar teleneң etimologik syzlege: Ike tomda [Etymological dictionary of the Tatar language: In two volumes]. Kazan: Məgarif–Vakyt Udmurtiya publ. Print. Vol. I (A–L); Vol. II (M–Ya). (In Tatar)
10. Tatar teleneң dialektologik syzlege [Dialectological dictionary of the Tatar language]. 1969. Composed by N.B. Borganova, L.T. Makhmudova, Z.R. Sadykova, G.K. Yakupova. Kazan': Tat. kn. izd-vo publ. Print. (In Tatar)
11. Tarakanov, I.V. 1993. Udmurt-Turkic language relationships: Theory and dictionary. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta publ. Print., (In Russ. In Udmurt)
12. Kuznetsova, A.I., Serdobol'skaya, N.V., Usacheva, M.N., Biryuk, O.L., Idrisov, R.I. 2013. Dictionary of the Besermian dialect of the Udmurt language. Moscow: TEZAURUS publ. Print. (In Russ. In Udmurt).
13. Usacheva, M.N., Arkhangel'skii, T.A., Biryuk, O.L., Ivanov, V.A., Idrisov, R.I. 2017. Thesaurus of the Besermian dialect: Names and official parts of speech (dialect of the village of Shamardan). Moscow: Izdatel'skie resheniya publ. Print. (In Russ. In Udmurt)
14. Wotjakischer Wortschatz. 1987. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki. Print. (In Germ. In Udmurt. In Finnish).
15. Kosareva, I.A. 2017. "Jewelry sets of the ethnographic divisions of the Udmurts: a comparative analysis". Bulletin of the Udmurt University. History and philology series 27 (1): 83–87. Print. (In Russ.).

16. Abaev, V.I. 1958. Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Moscow–Leningrad.: Izd-vo AN SSSR publ. Print. Vol. I : A–K'. (In Russ. In Ossetian)
17. Fedotov, M.R. 1996. Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 volumes. Cheboksary. Print. (In Russ. In Chuvash)

Сведения об авторе:

Максимов Сергей Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН.
E-mail: makseran02@yandex.ru; makser02@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-5389-9502
Scopus AuthorID: 35068285800

Bio Note:

Maksimov Sergey A. is a Candidate of philological sciences, Senior researcher, Udmurt federal research center of the Ural branch of the Russian academy of sciences. E-mail: makseran02@yandex.ru; makser02@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-5389-9502
Scopus AuthorID: 35068285800